

Лора КВИНТ:

Вел. клуб. - 1994. - 25 окт. - с. 7

«Босой ногой нельзя нажимать на педаль рояля»

— Лора, у вас очень музыкальная фамилия: мне кажется, что и квинта, и квинтет — это все из той же «оперы». Кто ваши предки?

— Квинт — итальянская фамилия. Мои предки — итальянцы, евреи, поляки. С итальянской стороны — офицеры из итальяно-испанского полка Наполеона. Я горжусь своей фамилией, ведь среди великих римлян многие носили фамилию Квинт. Хотя бы тот же Квинт Флакк Гораций.

— Гораций? Он ваш родственник?

— Хотелось бы. Но проследить своих предков до эпохи древних римлян довольно сложно. А вот с 1812 года свою родословную знаю.

— Когда к вам пришел настоящий успех?

— Первый успех был с Альбертом Асадулиным. Через пару лет Алла Пугачева спела мой «Московский романс». Тогда меня знали лишь в пределах Ленинграда. А Пугачева отнеслась ко мне с большим уважением — она вообще по-особенному относится к талантливым людям. Но судьбу моей оказалась Валерий Леонтьев. Он тоже захотел спеть эту песню, связался со мной, и мы встретились. До этого я два раза видела его мельком по телевизору. Я предложила ему три песни, сказав, что если не подойдут, то, может быть, со временем напишу ему еще что-нибудь. Такое заявление его несколько удивило, потому что обычно молодые композиторы ведут себя понахальнее: «втюхивают» свои шедевры, наступая исполнителю на пятки. Кстати, никогда, даже в самом начале, я не стояла в «предбанниках» у артистов. А здесь

вышло так, что одна из трех предложенных мною песен была взята Леонтьевым в репертуар. Это «Прощание с мамой». После гастролей в Питере Валерий уехал в Киев, а через неделю в моей квартире раздался звонок: он приглашал меня на гастроли в Москву. Эта «поездка» продолжилась десять лет. Десять лет под «иглом» Леонтьева.

— Одна дама спросила Стравинского: «О чем вы думаете, сочиняя музыку?» — «Простите, мадам, ни о чем больше», — ответил маэстро. — Пишу музыке». А вы, Лора?

— Нет, я могу сочинять музыку даже во время стирки: голова все равно работает.

— Вы пишете песню специально для конкретного исполнителя?

— Песню нужно сделать так, чтобы у исполнителя было ощущение, будто он сам ее написал. В песне должны быть слышны интонации, характерные именно для него. Если у певца есть присущий только ему поворот головы или взмах руки, нужно, чтобы он во время исполнения успевал его сделать. Чтобы эта песня вместила в себя все, за что любят данного артиста. И если это Николай Караченцов, то там должна быть вся мужественность — и в стихах, и в музыке, и в переходах от страстного пения к каким-то хриплым ноткам. Если поет Андрей Билль, то нужны юмор и большой диапазон, у Андрея в каждом регистре свой тембр голоса. Он может петь и голосовые песни, как, например, «Прощай, оркестр», и «Ты самая красивая», — а это уже совсем другая песня. Но вначале, я не стояла в «предбанниках» у артистов. А здесь

— Лора, мне кажется, что вы расхваливаете Андрея еще и потому, что он ваш муж и вы его любите.

— Конечно, люблю. И прекрасно знаю его исполнительские возможности. У него нет середины: или это высокая романтика с большим диапазоном, этакая песня итальянского тенора, или песня с юмором, безумно веселая, в которой он скачет, прыгает, заводит людей, и все веселится и смеются, как дети. А вот Клара Новикова у меня совсем другая. Для Клары надо писать так, чтобы донести ее интонации, ее выражение лица, ее усмешку.

— Да, Клара самобытна. Но и женщин-композиторов тоже раз-два — и обчелся. А каково ваше отношение к ним?

— Женщины-композиторы мне казались какими-то карикатурными существами, отличающимися графоманией, надоедливостью и творениями типа «слезы-слезы». Поэтому я долгое время стеснялась того, что я женщина-композитор. Но, к счастью, была, есть и остается Александра Пахмутова — вот уж кто многим «утер нос». Это мой идеал.

— А что до поэтов?

— Многолетний тандем у нас с Ольгой Клименковой из Питера. Это песни «Ревность», «Очкарик», «О, Сан-Ремо!». А недавно на отдыхе мы ближе познакомилась с Ларисой Рубальской и теперь я долгое время стеснялась того, что я женщина-композитор. Еще пишем сейчас для Нади Бабкиной песню, которая будет называться «Ну и что, что обжигалась», в которой выведен образ любимого персонажа рекламы АО

Гость «ВК»

Композитором почувствовала она себя рано. В семь лет стала писать музыку, а на рояле играть — в пять. В Агентстве по охране авторских прав была зарегистрирована еще школьницей. Но «обвальным» успех принесла ей все-таки опера «Джордано», написанная специально для Валерия Леонтьева. Сама Лора Квинт считает себя композитором театральным, здорово получаются у нее финалы и позывные всевозможных шоу. Ну а песни? Первый успех был с Альбертом Асадулиным, потом Алла Пугачева исполнила ее «Московский романс», ее сочинения — постоянно в репертуаре Валерия Леонтьева.

— У Андрея золотой характер, и раньше мы были просто, как два голубка. А сейчас стали нервными, оба психи, и ничего удивительного в этом нет. Изменилась сама жизнь, и эта всеобщая коммерциализация... Раньше были противны сами разговоры о деньгах, а сейчас? Нужно сперва написать песню, потом найти миллион, чтобы записать ее в студии, потом еще 30 миллионов, чтобы снять видеоклип. Раньше мы думали о том, как сделать песню, достаточно ли хорошо она сделана. Сейчас эти критерии утрачены. Вернее, они существуют, для меня существуют, но никому не нужны. Потому что плохой композитор с плохой песней и безголосый певец с хорошим спонсором могут записать любую халтуру и купить пятьдесят эфиров, чтобы она звучала «даже из утюга».

— Лора, а кто в вашей

удаётся, раз мои песни поет такая певица, как Надежда Бабкина. Она поет четыре мои песни, среди которых «Некошенный луг моей любви», которую все принимают за народную. Валя Толкунова пела песню «Сережа», ее тоже считали народной. Значит, что-то такое есть. Многие исполнители из хора Пятницкого знают и поют мои песни и романсы. И Валя Готовцева, и Катя Шаврина... Я этим дорожу.

— Лора, а кого вы называете своими друзьями? Много среди них людей с «мерседесами»?

— Среди наших друзей — люди разных профессий, замечательные интеллигентные люди: врачи, редакторы радио и ТВ, театральные художники, математик, химик... Я не чувствую себя ущемленной от того, что у них и у меня нет своих магазинов и «мерседесов», я не хожу в ночные клубы, на тусовки, хотя, конечно, приглашают. Считаю, что композитор — это элитная профессия, а потому и круг общения у него должен быть другой. Из всех звезд дружим (не только общаемся, таких людей много, но и ходим друг к другу в гости, понимаем, защищаем друг друга) только с Klarой Новиковой, Колей Караченцовым и дуэтом «Академия».

— Как относитесь к чужим песням?

— Мне нравится творчество трех Игорей: Корнелиюка, Саруханова, а песню «День без тебя» Игоря Крутого в исполнении Ольги Кормухиной могу слушать хоть каждый день.

— Лора, вы что-то говорили о своем босоногом детстве?

— У меня не было босоного детства. Только обутое. Потому что босой ногой нельзя было нажимать на педаль рояля, а я ее нажимала с пяти лет.

— Есть у вас свой парикмахер, портной, какой макияж предпочитаете?

— Я ни у кого не шью, покупаю по возможности готовое. В макияже предпочитаю коричнево-оранжевую гамму. Очень осторожно с румянами — не люблю фиолетово-розовых тонов. В свое время мой макияж хвалили и Зайцев, и Юдашкин, назвав его персиково-абрикосовым, а они в этом деле понимают. Что же до парикмахеров, то у меня их целых два, любимых: опытная Таня и молоденькая Арина. Что поделаеть, голова — вещь серьезная.

— Вас узнают на улице?

— Бывает. Например, на рынке. Когда мы приходим туда с Андреем, торговка соленьями выбегает навстречу и делает широкий жест: «Я вас обожаю! Давайте я вас угощу!». А когда ее спрашивают, кто мы такие, она, указывая на меня, сообщает: «Да это же композитор Билль!»

— Пять лет супружеской жизни — это срок. Что вы поняли за это время?

— Ничего нового не поняла. То же, что и в день свадьбы: мой муж достоин самой великой любви. Я и ему об этом часто говорю, и сама каждый день об этом думаю и благодарю судьбу за эту любовь.

Гостью принимала Тамара КЛЕЙМАН.

На снимке: Лора Квинт и Андрей Билль.

Фото Вячеслава МИТИНА.